

«ЧЕЛОВЕК МЫСЛЕЙ, ЧУВСТВ, ДЕЯНИЙ...»

Б. М. БИРАГОВА

К 115-летию со дня рождения В. И. Абаева в СОИГСИ вышла книга Азалии Цхурбаевой «Из моих воспоминаний о Васо».

Книга состоит из трех частей: «Васо», «Ксения» и «Эпилог», а также содержит небольшой, но информативный фотоматериал из личного архива автора. Ответственным редактором издания выступил доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник СОИГСИ А. А. Туаллагов.

Азалия Григорьевна Цхурбаева – младшая сестра Ксении Григорьевны, супруги и музы Василия Ивановича Абаева. Окончила ГИТИС по специальности искусствовед. Работала в отделе искусств Министерства культуры, в Государственном комитете телевидения и радио при Совете министров СОАССР. Одновременно читала курс лекций по истории искусств на художественно-графическом отделении педагогического училища и по истории театра – в училище искусств.

В 1977 году уехала вместе с супругом, артистом Русского академического театра им. Е. Вахтангова Д. К. Тищенко на Украину, где занялась педагогической деятельностью в Музыкальном училище Леонтовича, вела курс по истории искусств и читала лекции для работников культуры ЦК Профсоюзов Украинской ССР. С 1981 года проживает в Кишиневе, где продолжает творческую деятельность как доцент-искусствовед.

«В этой работе я ... постараюсь передать основные черты характера незаурядного, неординарного человека, нашего Васо, каким я его представляла и знала на про-

тяжении 40 лет, человека мыслей, чувств, деяний. <...> Постараюсь ввести читателя в исключительный мир Василия Ивановича, малоизвестный для окружающих – мир его быта и интересов, бесед с моей сестрой и со мной, с близкими ему людьми разных убеждений и мировоззрений», – с первых страниц обещает читателям автор литературно-художественного издания «Из моих воспоминаний о Васо». И обещание сдерживает. Неизвестные детали жизни и научной деятельности В. И. Абаева в Петербурге и Москве, особенности спартанского быта, встречи с именитыми учеными, редкие моменты досуга, маленькие трагедии и большая любовь великого ученого – все то, что скрывают сухие факты биографии, в полной мере отражено в книге.

О бескомпромиссной скромности и интеллигентности Василия Ивановича Абаева – крупного языковеда-ираниста, доктора филологических наук, профессора, действительного члена Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, члена-корреспондента Финно-Угорского общества в Хельсинки, почетного члена РАЕН, лауреата Государственной

премии СССР, Заслуженного деятеля науки РСФСР, ходят легенды. «С момента первого с ним знакомства мне запомнилось его скульптурное лицо, сухой нос, чуть с горбинкой, узкие, твердо вылепленные губы. Обратила я тогда внимание на отсутствие привычки жестикулировать. Руки Василия Ивановича всегда спокойно лежали на кафедре. Речь была окрыленной, каждая фраза отточенной. Привлекала особое внимание та простота, с которой он общался со студентами. Это было мое первое впечатление о нем, которое я вынесла из стен МГУ», – пишет А. Цхурбаева, обуреваемая равно стеснением и жадной жаждой знаний, тайком посещавшая лекции Абаева.

Автор говорит о своем герое как о человеке эпохального масштаба: «Жизнь этого замечательного человека начиналась в Российской империи. Перед его глазами прошла вся история образования и развития СССР и, наконец, все постсоветские годы. Самоотверженный ученый всегда был предан своему делу. Людям, которые с ним общались, всегда передавался огромный заряд его энергии, которая жила в нем благо-

Азалия Цхурбаева, 1954

даря огромной любви к науке». И приводит слова его друга, академика В. В. Виноградова: «К Абаеву не подходите с обычным мериллом, он – особая личность. Может быть, особенность В. И. Абаева в том, что он один из тех редких людей, кто, не заигрывая с судьбой, отдавал себя делу настолько, что сама судьба в итоге стала «работать» на него».

Но и на это у Абаева был свой скромный ответ: «Я просто работаю. То, что человеку дано от природы, он должен реализовывать, то есть работать, что я и делаю всю жизнь. Вот и весь секрет успеха».

«Знания Васо были удивительно обширны.<...> Эрудиция его была огромна и разнообразна. Затрагивались порой и глобальные вопросы истории, философии, эстетики, с древности до современности. Часто упоминал он о духовном кризисе общества, как в нашей стране, так и на Запа-

*Василий Иванович, студент,
Санкт-Петербург*

Ксения Григорьевна – аспирантка

де, – вспоминает А. Цхурбаева. – Доброта, красота общения, благородство всегда отличали Василия Ивановича. <...> При первом впечатлении он казался мрачноватым, недоступным человеком, сосредоточенным только на своих научных проблемах. Но это не так. Я была свидетелем и участником многих встреч в их доме, который всегда был очагом культуры. Там встречались молодые и маститые ученые, как отечественные, так и зарубежные, из разных областей науки и культуры. И для всех этот дом был светлым маяком мыслей и знаний».

В редкие моменты променада великий ученый мог часами наблюдать за птицами, слушать их пение, кормить с рук белок; был большим почитателем осетинской и русской классической музыки; любил общаться с детьми и остро переживал, что ему не суждено было испытать радость отцовства.

О научных трудах Василия Ивановича было сказано и написано много. Но одну работу автор отмечает особо: «Чувство

долга к благородному и любимому делу, святое служение науке стали надежной основой для появления «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Выход такого глобального научного труда явил целую эпоху в развитии отечественной филологии и языкознания. В словаре Василий Иванович прослеживает генеалогическую ветвь: скифы – сарматы – аланы – осетины, раскрывая этимологию и историю осетинских слов на материале 190 языков мира и связи осетинского языка с иранскими, индоевропейскими, финно-угорскими и другими языками. Как говорил Василий Иванович, «не только народы, но и языки за много веков перемешивались. Теперь другие народы населяют эту землю, но до сих пор называют реки юга Украины и России этимологически скифскими, сарматскими, аланско-осетинскими словами. И трудно представить, что когда-нибудь в отдаленном будущем может что-нибудь измениться. Скифский мир с его языком и культурой не исчез без следа, он растворился и ушел в нас, в эти обширные пространства, на которых теперь живут другие народы».

Большой интерес представляет отношение В. И. Абаева к политике. Как пишет А. Цхурбаева, «его волновало все, что касалось судеб людей его времени, технического прогресса, исторических перемен. В его твердом убеждении в отношении нравственного состояния человека, в его отношении к любым политическим ломкам, властным структурам, чиновникам всех рангов всегда была непоколебимая высокая планка, свои гуманистические воззрения, иногда даже резко осуждающая точка зрения».

В этой связи показателен без преувеличения судьбоносный момент в жизни ученого, отмеченный автором в книге: «С выходом работы Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” (20 июня 1950 г. в газете «Правда». – Б. Б.) <...> начался очередной виток разоблачений “врагов народа”, якобы пропагандирующих в своих научных рабо-

тах по языкознанию идеалистическое учение Н. Я. Марра, в отличие от марксистского учения. Василий Иванович тогда заведовал иранским кабинетом Института языка и мышления (ныне – Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург. – Б. Б.). Тогда же его фамилия первая по алфавиту была зафиксирована в черном списке Л. П. Берия. Василий Иванович обвинялся в нежелании примкнуть к мнению общей массы лингвистов, признавших работу Сталина как единственно правильное марксистское учение в области языкознания. Можно представить, какие последствия могла повлечь за собой эта статья!... На заседании Института языкознания Академии наук, куда был вызван Василий Иванович, решалась судьба его не только как ученого, но и как человека. На этом заседании он подробно осветил основные направления своей исследовательской научной работы, после чего на него обрушился неприглядный поток вопросов и жесткая критика. Все ждали, к возмущению Василия Ивановича, его раскаяния и самокритики. Один из ведущих заседание предложил ему свои услуги в обмен на раскаяние, произнеся: «Я хочу Вас спасти, оставьте свои заблуждения!». Василий Иванович с возмущением ответил: «Спасибо за сочувствие, но, право, от моей совести меня никто не может спасти, кроме меня самого». С гордо поднятой головой, пройдя через весь зал, он покинул заседание. На выходе из помещения он готов был встретиться с представителями КГБ. <...> К его большому удивлению, на выходе его никто не задержал. Как потом стало известно, рукой Сталина красным карандашом была помечена галочкой фамилия Абаев и объявлено: «Этого оставить. Хороший ученый. Перевести в Москву». Оказывается, вожь интересовался трудами Абаева, такими как: «Осетинский язык и фольклор», «Религия и фольклор» и другими...»

У В. И. Абаева было резко отрицательное отношение к горбачевскому и ельцинскому режимам, он глубоко переживал

*Пешиком через Рокский перевал.
70-е годы*

межнациональные конфликты на Северном Кавказе и дал обет больше никогда не ездить в любимую им Грузию, который исполнил.

Однажды в интервью московскому изданию на вопрос журналиста: «Прожив весь XX век, Вы не видите каких-то светлых перспектив для России в грядущем XXI?», Василий Иванович ответил: «Пока, откровенно говоря, не вижу. Особенно тревожно выглядит подрастающее поколение. То есть те, кто обретут зрелость уже в будущем столетии. Я бы сказал, что его бросили на произвол судьбы. Подобно тому, как бросают в воду щенков: авось всплывет – молодец, потонет – сам виноват. Поймите правильно, мне не хотелось бы, чтобы кто-то вновь, в приказном порядке определял, кем быть юноше: филологом, инженером, мне не хотелось бы, чтобы некий дядя запрещал молодым людям слушать ту или иную музыку, читать ту или иную книгу, писать стихи так, как он считает нужным. Но мне обидно, если молодые люди, среди

которых, я уверен, немало талантливых, будут поглощены лишь поисками легкого и быстрого обогащения, развлечений и удовольствий. Мне будет искренне жаль, если у них утвердятся примитивные, не цивилизованные нормы поведения, если для них будут чужды моральные и правовые нормы. Будет просто ужасно, если среди них утвердится закон джунглей и решать все проблемы грубой силой. К сожалению, сейчас много тревожных признаков того, что молодежь движется в этом направле-

нии. Дать какие-то конкретные рецепты очень трудно, а самый общий совет, что молодое поколение надо правильно воспитывать, приучать к культуре, к труду, к нравственному самоусовершенствованию, будет слишком банально. Это самый общий рецепт, известный с античных времен, но человечество все еще недостижимо далеко от собственных идеалов. <...> Остается надеяться лишь на то, что в грядущем столетии судьба будет более благосклонна к России».